

Последний вестовой

Полковник вглядывался в дальний край черного неба, то и дело раздираемого яркими вспышками и световыми сполохами. Эти вспышки были так мощны, что даже находясь далеко от эпицентра, полковнику невольно хотелось зажмуриться каждый раз, когда они озаряли тьму вокруг, обнажая ужасы поля боя. Вояка думал о том, что каждая такая вспышка несёт смерть для тысяч его собратьев, находящихся прямо сейчас под фокусом вражеской атаки. Полковник замороженно глядел на горизонт и тихо считал вспышки — одна, две, три... Вот населения целого городка не стало... Четыре, пять...

Возможно, впервые в жизни полковник почувствовал предательскую слабость во всем теле. Холодная и тяжёлая, словно могильный камень, безнадега повисла на его плечах, ежесекундно порываясь повалить его наземь и, сдавив грудь, заставить выть и рыдать. Семь, восемь...

«Это не война, это уничтожение. Хладнокровный геноцид. Нам не дали шанса на спасение, отобрали право на самозащиту, — прозвучало в голове у полковника. Мысль была спокойная и ясная, твердая в своей очевидности. — Нам даже отказали в достойной смерти лицом к лицу с врагом... Лишенные чести и достоинства, мы принимаем смерть от безликих сил, бесславно и унижительно, словно какие-то жалкие паразиты...»

Очередная вспышка была особенно сильной и заставила полковника прикрыть глаза. Но, как показалось полковнику, глаза он прикрыл больше от бессилия, от невозможности что-либо предпринять, хоть как-то помочь тем храбрецам, что гибли на передовой. Смотреть было слишком тяжело. Его утешало лишь одно — скоро эти вспышки планомерно, уничтожая позицию за позицией, доберутся и сюда, тогда и он сможет разделить участь своих собратьев. Кажется, это самое большее, что он может теперь.

Вдруг полковник услышал мокрый всхлип из-за спины. Этот сопливый, почти детский звук разом привел его в чувство. Он резко обернулся и увидел, как прямо на земле, съёжившись от ужаса, сидел молоденький солдат. Это был вестовой. По всей видимости, он уже некоторое время находился здесь и вместе с полковником наблюдал «адское» зарево на востоке.

Полковник метнулся к парню и припал возле него. В любое другое время за такое недостойное поведение он бы строго отчитал подчинённого и, вероятно, прописал ему отрезвляющих пощечин.

«Я не могу помочь тем несчастным на передовой, но я всё ещё командир. И у меня есть эти насмерть перепуганные желторотики, что никогда не знали войны, многие только вчера были оторваны из нежных материнских объятий», — подумал полковник, осматривая рядового.

— Я с восточных рубежей... — запинаясь, пренебрегая воинской субординацией, сквозь слезы заскулил вестовой. — Там, там... — солдат вновь захлебнулся в рыданиях.

Он припал к груди полковника, и тот крепко его обнял.

— Это всё бессмысленно... — пролепетал вестовой. — Мы не знаем откуда придёт следующий удар... Немыслимое оружие, от которого нет спасения... Батальон за батальоном сгорают за считанные секунды без возможности хоть как-то противостоять...

Солдатик замолк и большими круглыми глазами поглядел на полковника. Затем тихо и зловеще произнес, будто бы боялся собственных слов:

— Словно мы противостоим самому богу смерти... — его глаза задрожали от ужаса. — Но разве так можно? Не лучше ли сразу лишиться себя жизни, чем отдаться на растерзание столь страшному врагу?

Лицо полковника оставалось суровым, но глаза его были полны понимания.

— Не рано ли ты впал в отчаяние, воин? — мягко сказал он, не переставая смотреть в стеклянные глаза вестового. — Там, — полковник жестом указал на восток, — твои собратья сражаются изо всех сил, пытаясь ценой жизни выиграть для нас немного времени, чтобы мы смогли что-то придумать, что-то предпринять, — полковник легко встряхнул подчинённого. — Мы ещё живы! Ты понимаешь? Мы ещё на что-то способны. А если «костлявая» и придёт за нами в скором порядке, ей не достанется ничего, кроме нашего мяса и костей. Никто не сможет лишить нас славы и чести, что мы взрастили в нашем народе, нашей культуре и в нашей душе. Это только твоё и моё, — полковник ткнул поочередно себя и щуплого вестового в грудь.

— Наша гордость — достояние вечности... — тихо произнёс полковник.

Эта фраза была девизом кадетской школы, которую он закончил, казалось, уже так давно, что даже не верилось. С тех пор выросли его собственные дети, не отличимые от этого вестового, рассеянные сейчас по всему фронту, ожидающие или уже принявшие незавидную участь.

Кажется, слова старого вояки возымели действие. Вестовой, словно устыдившись своей слабости, утёр слёзы и попытался подняться. Полковник поддержал его.

— Следуй на запад, воин. Несмотря на дурные вести, своим видом ты должен показать, что идущие в бой не сдались и не пали духом. Скажи, что они могут рассчитывать на нас. Донеси, что надежда ещё есть, и мы умираем в бою с мыслью об этом. Пусть не сдаются, пусть ищут спасения, пусть преодолевают до конца. И мы будем делать то же!

— Так точно! Разрешите выполнять?! — приободрился вестовой. Он все еще дрожал всем телом, но глаза его наэлектризовались решимостью.

— Выполний, воин! И помни, нация гордится тобой, — помедлив, полковник добавил уже более неформально. — Я горжусь тобой,

сын, — полковник сказал это с отеческой теплотой, обращаясь и к своим детям тоже в лице этого молодого солдата.

Он понимал, что никогда не сможет уже сказать им это лично, но быть может это его послание разнесёт вестовой, и хоть так оно дойдет до их ушей. Вероятно, тогда они вспомнят об отце и смогут простить ему излишнюю строгость и чѐрствость, в которой он воспитывал их.

Вестовой, не теряя времени, умчался прочь. Всполохи смертоносного света стали озарять уже полнеба. Значит враг был уже совсем не далеко. Скоро для него и его батальона все решится.

«Что ж, тем лучше», — почти с облегчением подумал полковник. Также ему подумалось, что несмотря на то, что прошло всего ничего, он совершенно не помнил лица вестового. Как ни старался он оживить недавние воспоминания, образ молодого воина непременно размазывался и ускользал. На его место приходили другие знакомые лица — его детских друзей, ребят из кадетского училища. Всё то были простые не связанные друг с другом личности, которые ему удалось повстречать в жизни. «Странно, странно...»

«Как там они все? — подумалось полковнику, но ответ уже был известен. — Сейчас для всех одна судьба, одна доля на всех».

Всѐ нутро полковника вдруг наполнилось гневом: «Проклятые изверги! Демоны и ифриты! Само зло в первозданном виде обрушилось нам на головы! Бессмысленное и безответное. Нет ни цели, ни оправдания для всего этого горя, что несѐтся, словно чернѝй вихрь, по землям его предков. Будь прокляты ваши гнилые души, наполненные лишь адским огнем! Надеюсь, вы сами однажды сгорите в нём, как и мы сгораем прямо сейчас!»

Вспышки неземного ослепительного света тем временем стали обжигать глаза старому полковнику. Он выпрямился и напрягся всем телом. Оглянулся, готовясь отдавать приказания. Готовясь провести свой последний бой и сделать это умело и решительно. Он не отдаст своих людей без хорошего боя. Полковник оглянулся, но

никого не обнаружил. Он прокрутился вокруг своей оси, но оказалось, что он совсем один на поле брани. Куда же делись его младшие офицеры? Где боевые расчёты и укрепления? Вокруг лишь выжженная поверхность с большими рытвинами и красными воспаленными кратерами, покрытыми высушенной растительностью. И трупы. Много трупов. Горелые тела сплошным ковром тянулись в разные стороны до самого горизонта. Полковник стоял один посреди этого бала смерти. Он оглядел себя. Две из шести его лап были оторваны, а педипальпы изувечены. Усики на голове были оплавлены и безвольно висели плетью. Но полковник не чувствовал боли. Ему было не жаль себя. У него была одна задача — найти уцелевших боевых товарищей, раненых бойцов под его командованием. Игнорируя боль в сломанных конечностях, он ринулся осматривать горы дымящихся останков, что в великом множестве были раскиданы повсюду ледяной дланью смерти. Лапки его подкосились, и полковник пал. Перед его глазами оказался изувеченный труп совсем молодого солдата. С ужасом полковник узнал в нём того самого вестового, которого, как он думал, пару минут назад отправил с донесением в соседние войска. В стеклянных глазах вестового навсегда застыл страх.

— Сынок, вставай! Победа будет за нами! — прокричал полковник и схватил вестового. Голова мертвеца отделилась от тела и завалилась на бок, словно отворачиваясь от командира.

— Рядовой, встать! — яростно захрипел полковник. — Это приказ! Вставай и живи. Разноси весть о том, как прекрасна жизнь. Ведь мы ещё живы! Мы ещё на что-то способны...

Вдруг до полковника донёсся оглушительный вой, и вибрация пробежала по всему полю. Тут он вспомнил. Вспомнил, что точно так же было и в прошлый раз, когда их батальон построился, готовый сразиться с любым врагом. А потом был яркий-яркий свет, прекрасный и всепоглощающий. Столь яркий и направленный, что пронизывал всё тело насквозь. От этого света нельзя было сбежать или скрыться. Даже сама мысль об этом теперь казалась нелепой. Этот свет совсем другой природы, настолько выше и сложнее его самого, что не поддавалось сравнению. Этот свет пришёл забрать

то, что ему было нужно. И лишь беда полковника, что это оказалась его жизнь и жизни его собратьев. И в этом, кажется, нет ничего особенного. Свет очистит эту землю. И всё будет по-иному, но уже без них.

Яркая вспышка ослепила полковника, и он почувствовал, как глаза его и всё тело разом запекаются от нестерпимого жара. Но ему было не страшно. Он выполнил свой долг как сумел и разделит участь вместе с боевыми товарищами. Врагу не удалось отобрать его гордость, которая станет наследием в бесконечности грядущих времен.

Молодая женщина с вычурным макияжем устало отложила инструмент в сторону и привычным движением стянула с себя латексные медицинские перчатки. Затем она сняла с лица защитные солнечные очки.

— Ну всё на сегодня, — сказала она, обращаясь к другой женщине, что сидела в специальном гидравлическом кресле напротив. — Кожу может пощипывать сегодня, так что используйте увлажняющий крем.

— Ага, поняла, — отозвалась женщина и, приподнявшись в кресле, достала из дамской сумочки маленькое зеркальце в красивой оправе. В отражении она тщательно осмотрела чуть раздраженную кожу над верхней губой.

— Как скоро результат? — спросила она, обращаясь к женщине с крикливой раскраской на лице.

— Три-пять сеансов и усики перестанут расти.

— А это не вредно?

— Смотря для кого?! — ухмыльнулась мастер и повертела в руках небольшой аппарат, похожий на пистолет. — Направленный свет высокой интенсивности. Разрушает волосяную луковицу и всё, что там тусуется. Подкожных клещей, к примеру, и прочую мелочь и

паразитов на коже. Но для человека не опасно. Во всяком случае не доказано, — слегка смутившись, уточнила женщина. — Нам пора заканчивать, там уже следующий клиент по расписанию. Оплата на кассе.